

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Идейные наставники Ф. И. Буслаева: Вильгельм фон Гумбольдт (Часть I)

Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России

В статье рассматриваются рецепции философских, антропологических, культурологических, исторических аспектов теории языкознания великого немецкого ученого Вильгельма фон Гумбольдта в творчестве выдающегося русского ученого Федора Ивановича Буслаева. Отмечается восприятие Буслаевым важнейшей идеи Гумбольдта о роли «абсолютного духа», «национального духа», «человеческого духа», «индивидуализированного духа» в создании языка. По мнению Буслаева, именно «творческая сила» создала «язык устами целого народа». Подчеркивается важное значение для Буслаева методологического посыла Гумбольдта об использовании опыта языкознания для культурно-исторических построений, для проникновения в тайники сознания людей прошлого. Следуя Гумбольдту, Буслаев преодолел ограниченные представления о языке только как о «зеркале истории» и стал причислять язык к тем силам, которые творят историю. Отмечается также методологические погрешности Буслаева, связанные с восприятием временного континуума его культурно-исторических реконструкций.

Ключевые слова: немецкая классическая философия, философская антропология, философский аспект языкознания, трансцендентальный субъект, категория «духа», генезис и творческая сила языка, организм языка, дух народа, языковое сознание (мировидение) народа, изоморфизм объектов культуры, бессознательные компоненты мышления, культурно-исторические построения, антиномии, междисциплинарное гуманитарное знание, эманации духа: язык, мифология.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Ideological Mentors of F. I. Buslaev: Wilhelm von Humboldt (Part I)

In the article receptions of philosophical, anthropological, culturological, historical aspects of the linguistics theory of great German scientist Wilhelm von Humboldt in works of outstanding Russian scientist Fedor Ivanovich Buslaev are considered. Buslaev's perception of the most important idea of Humboldt about the role of «absolute spirit», «national spirit», «human spirit», «individual spirit» in language creation is noted. According to Buslaev's opinion, «the creative force» created «language by lips of the whole people». The importance for Buslaev of Humboldt's methodological message is emphasized about the use of linguistics experience for cultural and historical constructions, for penetration into hiding places of consciousness of people of the past. Following Humboldt, Buslaev overcame limited ideas about the language only as «a history mirror» and began to rank the language to those forces which make history. Here are also noted Buslaev's methodological errors concerning the perception of the time continuum of his cultural and historical reconstructions.

Keywords: German classical philosophy, philosophical anthropology, philosophical aspect of linguistics, transcendental subject, category of «spirit», genesis and creative force of language, language organism, spirit of the people, language consciousness (world perception) of the people, isomorphism of culture objects, unconscious components of thinking, cultural and historical constructions, antinomy, cross-disciplinary humanitarian knowledge, spirit emanations: language, mythology.

Изучая творческое наследие выдающегося русского ученого Федора Ивановича Буслаева, мы неоднократно подчеркивали, что его теоретико-методологические воззрения формировались под сильным влиянием немецкой классической философии¹ [26]. Обстоятельное изучение Ф. И. Буслаевым результатов научных свершений немецких ученых второй половины XVIII – первой половины XIX в. обусловило близость его теоретических обобщений о природе и происхождении языка с философскими воззрениями выдающегося мыслителя Вильгельма фон Гумбольдта. Ссылки на научные рефлексии этого уникального философа и лингвиста встречаются в сочинениях

Ф. И. Буслаева почти так же часто, как и на труды Я. Гримма [2, с. 123, 281; 3, с. 470; 11, с. 518].

Жизнь В. Гумбольдта совпала с тем периодом развития литературы и философии в Германии, который принято называть классическим, поэтому «его творчество стало плотью от плоти немецкой классики» [13, с. 7].

Оценивая значение гумбольдтовских идей в области философии языкознания, теории и гносеологии истории, теории литературоведения, искусствоведения и эстетики, ученые начала XX в. смело ставили его в один ряд с такими современниками, как И. Г. Фихте, братья А. и Ф. Шлегели, И. Ф. Шиллер, И. В. Гете, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель. Все они принадлежали к одному

«мыслительному пространству», сотканному культурой немецкого романтизма с «его интересом... к процессам генезиса и верой в спонтанную творческую силу языка» [27, с. 81]. Единая духовно-интеллектуальная среда производства и развертывания их научного потенциала консолидировала и схожие способы научного постижения мира.

Выдвигая в качестве предметов мысли базисные философские категории (дух, язык, сознание) и по-своему интерпретируя их, они вместе с тем демонстрировали единый стиль мышления, соответствовавший языку их времени, и придерживались единого вектора в движении своих умозрительных идей [27, с. 3].

Унаследовав от И. Г. Гердера исследование проблем происхождения и генеалогии языка, методы сравнительного изучения языков и их классификации, стремление выяснить роль языка в развитии духа, В. Гумбольдт смог заменить «туманные способы разрешения этих вопросов» своего предшественника более строгим научным и философским анализом, основанным на самостоятельной интерпретации обширного фактического материала.

Используя философскую и психологическую терминологию И. Канта, он смог усовершенствовать ее и, наделяя уже «зафиксированные [понятия. – М. Н., Т. П.] в духе Канта» новым идейным содержанием, модифицировал научный тезаурус ради выражения собственных мыслей.

По смелости замысла, широте охвата мысли, глубине проникновения в проблему современники ставили его рядом с Г. В. Ф. Гегелем, однако видели в нем не просто продолжателя системы философии «абсолютного идеализма», а ученого-новатора, превратившего свою философию языка из простого дополнения к гегелевской философии истории, права, религии и искусства в «центральную проблему философии духа, реализующего в языке все другие конкретные проблемы философии» [30, с. 31–33].

Обращение В. Гумбольдта к философским, антропологическим, культурологическим, историческим планам существования языка, то есть ко всему объемному, многомерному восприятию духовной жизни человека, имеет особую значимость для современного междисциплинарного гуманитарного знания, поэтому сегодня этого яркого представителя немецкой классической философии ценят не только за создание теоретического фундамента науки о языке. Широкий круг научных интересов В. Гумбольдта, объемлющий собой,

помимо теоретического языкознания, практически весь спектр гуманитарных наук [28, с. 8], превращает его в основоположника философской антропологии, ученого, обосновавшего воздействие языка на мировоззрение человека, социум, культуру, мыслителя, предложившего способы проникновения в «дух народа» через «языковое мировидение».

В работе «Эстетические опыты» В. Гумбольдт охарактеризовал основную цель своих «философско-эмпирических» исследований следующим образом: «...о каком бы предмете ни шла речь, его всегда можно соотнести с человеком, а именно с целым его интеллектуальным и моральным организмом. Разбирая такую-то философию, такую-то обширную естественно-научную систему, такое-то политическое устройство, всегда можно установить, что выиграл благодаря им дух философский, естественно-научный, общественный... в своей совокупности. А к этому можно присоединить и еще более общее – выяснить, насколько благодаря им человеческий дух вообще приблизился к конечной цели своего стремления... вообразить в себя посредством всех орудий своей восприимчивости всю ту массу материала, какую предлагает ему весь мир вокруг него и его внутреннее существо; преобразовать все это своими самостоятельными силами и тем самым привести Я и природу во всеобщее, живое и гармоничное отношение взаимодействия» [21, с. 161, 162].

Установив не просто взаимосвязанность всех проявлений человеческого духа, но главным образом – изоморфизм между объектами культуры: языком, мифологией, литературой, искусством, В. Гумбольдт смог подготовить почву для создания интегративных антропологических научных изысканий, так как он обнаружил общие задачи, стоявшие перед филологами, историками, специалистами по эстетике. Именно это обстоятельство и позволяет назвать его основателем всех современных гуманитарных наук или создателем фундамента наук о культуре, изучающей все проявления человеческого духа [27, с. 59, 60; 28, с. 7].

«Уразумение смысла» высказанных В. Гумбольдтом идей и определение их места в системе философских спекуляций предполагает погружение в «контекст умственной жизни и духовных содержаний» Германии рубежа XVIII–XIX столетий [30, с. 31, 32]. «Базисной категорией», в значительной степени сформировавшей стиль мышления ближайших идейных предшественников и современников В. Гумбольдта, «тип и характер предметов мысли» его самого как привержен-

ца немецкой классической философии, стала категория «духа» [27, с. 3, 47].

Дух трактовался ими как некое надприродное начало, первома́терия человеческого мира, универсум и первопричина всего сущего, первооснова реальности культуры. В качестве сверхиндивидуального субъекта в идеалистических системах разного рода, в том числе и в трансценденталистском их инварианте, под духом могли понимать бога, мировой разум, абсолютный дух, трансцендентальное «Я» [27, с. 46, 47, 65]. Главным атрибутом духа, то есть его неотъемлемым свойством, без которого он не мог ни существовать, ни мыслиться, признавалась его самопроизвольная (спонтанная) разумная активность, непрестанно проявлявшаяся в разнообразных эманациях. Реальность трактовалась как инобытие духа, порожденное деятельностью абсолюта. Деятельность при таком понимании представляла как саморазвертывание некоей рациональной программы, обусловленной собственной имманентной логикой, а логика, или законосообразность, мыслилась источником и причиной изменений во всем предметном мире [27, с. 47].

Обращение к трансцендентальному субъекту, а также выяснение силы духа с онтологических и гносеологических позиций содержатся в основополагающем для философии языкознания труде В. Гумбольдта «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества». Это сочинение было задумано как введение к исследованию «О языке Кави на о-ве Ява» [22, с. 364], которое было хорошо известно еще совсем молодому Ф. И. Буслаеву, о чем свидетельствует его первая монография «О преподавании отечественного языка» [4]².

Называя В. Гумбольдта основоположником «истинно философской, или, точнее, психологической грамматики» [4, с. 65], Ф. И. Буслаев в своем научно-методическом издании развивает преимущественно мысль немецкого исследователя о «живом организме» языка [4, с. 193, 194], однако в своих зрелых работах, опубликованных в 50–60-е гг., он более детально излагает лингвофилософское учение В. Гумбольдта, что делает целесообразным углубление в систему идей и представлений этого классика немецкой философии, мысли которого Федор Иванович считал «блистательными», а самого ученого вместе с Я. Гриммом относил к «лучшим лингвистам нашего времени» [7, с. XVI, XXXI, XXXIII].

По учению В. Гумбольдта, первопричина всех явлений была скрыта в разных проявлениях духа.

Поскольку непосредственное проникновение в мир духа невозможно [16, с. 48], человек может догадываться о сущности творческих сил духа только через его проявления: язык, культуру, цивилизацию и другие эманации. Дух самопроизвольно возникает без каких-либо внешних воздействий и самобытно производит продукты своей деятельности из самого себя; как внутреннее начало жизни, он тоже развивается из самого себя [16, с. 47–51].

Кроме абсолютного духа, В. Гумбольдт различает человеческий дух, национальный дух, индивидуализированный дух. Язык, по его представлениям, был главным проявлением деятельности человеческого духа [16, с. 49, 70]. Язык исходит из такой глубины человеческой природы, что его даже нельзя назвать собственным творчеством народа [16, с. 49]. Язык обладает видимо проявляющейся, хотя и необъяснимой в своем существе, самодеятельностью. Народ пользуется языком, не зная, как он образовался, но осознавая, что язык служит для развития его духовных сил и мировоззрения [16, с. 50, 51]. Хотя язык имеет независимое от человека и даже народа внешнее бытие, он, являясь истечением духа, всегда выступает спутником, свидетелем, а иногда, на самых ранних этапах развития человечества, – еще и единственным представителем его духовного развития [16, с. 48, 49]. Язык глубоко входит в духовное состояние человечества, сопровождая каждую ступень исторических восхождений или вызванных вынужденными обстоятельствами возвратов назад [16, с. 48, 107]. Поэтому по языку можно определить всякое состояние культурной динамики: языку родственно все, что есть в духе народа, а в последнем нет ничего, что могло бы остаться чуждым языку (только «язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны») [16, с. 69].

Язык в своих индивидуальных параметрах является характеристикой народности; он – орган ее внутреннего бытия и даже само это бытие [16, с. 47]. Язык тесно связан с образованием «национального духа», он – внешнее проявление духа народов: их язык есть их дух, а их дух есть их язык [16, с. 68]. Язык как «совокупная духовная сила» определяет мышление, мировидение целого народа. «Различные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а различные видения его...» [18, с. 349] представителями обособленных языковых групп. Вместе с тем он неразрывно связан с внутренней природой кон-

кретного человека и может участвовать в самосоздании индивида [16, с. 66, 84]. За влиянием языка на человека «стоит закономерность языковых форм, за исходящим от человека обратным воздействием на язык – начало свободы» [16, с. 84].

Таким образом, В. Гумбольдт философски осмыслил проблему генезиса языка, сфокусировав внимание не на внешних факторах происхождения членораздельной речи и «набора лексических элементов», а на «глубине истоков» «языкового сознания» человечества [16, с. 47, 125], которое являлось «средостением» «деятельности мышления, чувственного восприятия» нации и «порождения духа» народа [16, с. 74, 75].

В. Гумбольдт ввел в языкознание понятие «дух народа» [28, с. 10], подчеркивая, что язык и духовная сила народа развиваются не обособленно друг от друга и не во временной асинхронности – напротив, они генетически тождественны, существуют нераздельно и представляют собой действие одной и той же «интеллектуальной способности» народа [16, с. 68, 164]. Поэтому, доказывая, что разнообразие языков следует трактовать силой «духа народа», он не забывал напоминать о том, что специфическая духовная сила, выражающаяся в «национальном характере», развивается только посредством языка и исключительно с опорой на него. Язык, указывал В. Гумбольдт, «всеми тончайшими нитями своих корней сросся... с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего» [16, с. 47]. Стремясь понять «национальный характер», на котором «основано все творческое в истории нации» [16, с. 47], он предлагал изучать различные аспекты бытования языка (словарный запас, грамматические структуры, фонетические принципы и т. д. [16, с. 163]) и осуществлять сравнительный анализ языков всех народов, даже «самых примитивных [16, с. 68].

«Сравнительное языкознание, – отмечал В. Гумбольдт, – тщательное исследование разных путей, на каких бесчисленные народы решают всечеловеческую задачу создания языка», поэтому без «исторического подхода», соединенного с антропологическими и этнопсихологическими наблюдениями, трудно постичь результаты «работы человеческого духа» [16, с. 68], полагал он.

Кроме концептов «дух народа», «национальный дух», «национальный характер», исключительную важность представляет также еще одно принадлежащее В. Гумбольдту понятие – «языковое сознание» народа, которое, указывая на органическую целостность языка, имплицитно содер-

жит в себе еще и акцентирование ментальных различий этносов и национальностей.

Обусловленное языком естественное деление человечества на народы являлось, по мнению ученого, решающим фактором детерминации их «внутренней судьбы», «духовной самобытности» [16, с. 49], так как «любой народ... можно и нужно рассматривать как человеческую индивидуальность, направившуюся по внутренне самобытному духовному пути» [16, с. 64]. Будучи «творениями наций» («объединенной духовной энергией народа» [18, с. 349]), языки выражают их «определенное мирозерцание» [16, с. 66], причем «не субстанциональные свойства внеязыкового мира» [28, с. 13], а преломленное в сознании конкретного народа отношение к предметам и явлениям этого мира. «Недаром в период словотворчества, – замечает В. Гумбольдт, – в некоторых языках возникает множество обозначений одного и того же предмета: сколько обозначений, столько и свойств, через которые осмысливается предмет... Представление, пробуждаемое словом у разных людей, несет на себе печать индивидуального своеобразия», но представители одной «национальной общности» обладают «своей системой мировосприятия», отличной от подобной же системы другого народа, а потому обозначают исключительно свое впечатление, к тому же все «одним и тем же звуком» [16, с. 166]. При сходном языковом мировидении люди понимают друг друга «не потому, что передают собеседнику знаки предметов» или «настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия», – пояснял В. Гумбольдт. В основе их коммуникации находится единое языковое пространство, сотканное из звуков, смыслов, духовного родства, поэтому при языковом общении «они взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено в цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» [16, с. 165, 166].

Следовательно, язык, создающий нацию, делает вывод В. Гумбольдт, сам превращается в «душу нации» [15, с. 303], в ее «самобытное мирозерцание» [16, с. 80], «окраску и характер» которого определяют «образ мысли и мироощущение народа» [16, с. 163]. Исходя из этого убеждения, ученый предлагал использовать «языковое мировидение» народа для постижения его духовного склада. «Поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы

мышления и восприятия», то, значит, увещевал он своих последователей, через изучение языков мира открывается возможность реставрации «всемирной истории мыслей и чувств человечества» [18, с. 26].

Исследуя проблему языковой коммуникации, В. Гумбольдт раскрыл свои представления о поведенческих реакциях человеческих общностей при контакте с чуждыми культурными традициями и о всемирно-историческом значении диалога культур. Человек, овладевая языком задолго до его осознания, усваивает одновременно и тот способ языкового постижения мира, который предлагает ему определенная языковая традиция. В процессе культурного обмена с носителями иных лингвистических систем человек сталкивается с новым для себя языковым сознанием и порожденным им другим видением мира [17, с. 319, 320]. В этом смешанном языковом сообществе идет процесс «скрещивания языков и народов», при котором «новые способы представлений присоединяются к уже существующим» [17, с. 316]. «Первоначальный организм языка, конечно, разрушается», – уверяет нас В. Гумбольдт, – но взамен приобретаются средства постижения объективной истины, так как язык, «переходя от всегда ограниченного индивидуального к всеобъемлющему бытию», становится инструментом «преобразования субъективного в объективное» [17, с. 316, 318]. Следовательно, благодаря языковым контактам, диалогу людей разных культурных традиций, по мысли В. Гумбольдта, усилиями всего человечества осуществляется приближение к объективной истине.

В создании нового языкового мировидения могут принимать участие не только целые народы с собственными языковыми воззрениями, но и мастера художественного слова. Великие творцы, в отличие от рядовых членов единого речевого коллектива, не слепо следуют правилам своего языка. Глубоко проникнув в сокровищницу родного языка [16, с. 82], они, хотя и применяют весь арсенал привычных им имеющихся языковых средств, способны добавить в языковую традицию, созданную понятиями и представлениями своего народа, собственное миропонимание [16, с. 89]. Однако непреходящий след гений может оставить после себя лишь в том случае, если он «воодушевлен духом своего народа» [16, с. 54, 60, 63, 64].

Язык, являясь, в трактовке В. Гумбольдта, антропологическим феноменом, сам приобретает антропологический характер. В сознании исследователя мир языка становится одушевленным,

наделенным живой деятельностью, наполненным творческой изобретательностью, фантазией. Дух (как национальный, так и человеческий), без которого природа языка не может ни мыслиться, ни существовать, философ тоже наделяет человеческими характеристиками: жизнью, чувствами, целостностью существования. Образом синкретической целостности языка, интерпретировавшегося В. Гумбольдтом и как мышление, и как мировосприятие, и как бытие, и как мир, «отразившийся в человеке» [16, с. 198], служило понятие «организм».

Язык, как «внутренне целый организм», выполнял роль камертона для «верной оценки частностей» [16, с. 47]. «Мыслящая и в мышлении творящая сила» языка оказывает главное воздействие и на формирование человека, и на образ жизни сменяющих друг друга поколений языковой общности, «простым придатком» которой является индивид [16, с. 58, 83]. Язык обладает «устойчивостью», «текучестью», «пластичностью», поэтому он способен «хранить живое дыхание» людей, которые его используют, и насыщаться их переживаниями [16, с. 82, 83].

В. Гумбольдт наделяет язык «сознанием», которое проявляется хотя бы в его «инстинкте предчувствия всей [языковой. – М. Н., Т. П.] системы в целом» [16, с. 89]. Как у человека, у языка есть «интуиция», проявляющаяся в «обозначении нечувственных понятий» и сочетании простейших – образных – и абстрактных понятий [16, с. 104]. «Внутренняя, интеллектуальная сфера языка» предстает при обозначении им понятий и создании «законов построения речи» [16, с. 103]. «Гений» языка обнаруживается в поэзии и философии, в его влиянии на скорость протекания процессов социокультурной динамики, так как он ведет «ускорением развития идей, нарастанием мыслительной силы, углублением и утончением чувственности» [16, с. 106].

Язык как «живое порождение духа» имеет «окраску и характер», обладает «творческой силой», ведет индивидуальную жизнь», а его «внешний и внутренний характер» влияет на «духовное своеобразие нации» [16, с. 162, 163, 167].

Соединяя «мысль со звуками», язык сам уподобляется духу, «который вселяется в язык и одушевляет его, как из него же, духа, сотканное тело» [16, с. 167].

«Как непосредственная эманация органической сущности в ее чувственной и духовной значимости язык разделяет природу всего органического, где одно проявляется через другое, общее в част-

ном и где благодаря всепроникающей силе образуется целое. Сущность языка непрерывно повторяется и концентрически проявляется в нем самом...» [17, с. 308], – подводит итог своей органистической концепции В. Гумбольдт, делая возможным экстраполировать ее смыслы на все исследовательское пространство человековедения.

Из совокупности мыслей и рассуждений В. Гумбольдта о сущности и предназначении языка (а их можно было бы многократно умножить) следует, что он рассматривал язык как одухотворенный организм, используя в качестве прототипа организм человека, поэтому «понятия души, вдохновения и другие понятия того семантического поля, которые используются обычно при характеристике человека, применяются и к языку» [27, с. 117].

Положив в основу своей органистической концепции уже сформированную в Германии философскую традицию, восходившую к телеологическому принципу И. Канта и «органической эстетике» И. Гердера [29, с. 81], В. Гумбольдт смог превратить эти базисные категории научного миропостижения при трансцендентальном стиле мышления в фундаментальные положения своей философской антропологии, привлекая в качестве эмпирического материала для теоретических построений сравнительное языковедение и историческое языковедение.

Представления В. Гумбольдта об «интеллектуально-телеологической» миссии духа [17, с. 310] и его органистическая концепция языка имели решающее воздействие на становление научного мировоззрения Ф. И. Буслаева, и хотя в теоретических разделах его трудов нетрудно выявить также рецепции гумбольдтовских философско-исторических и этико-эстетических идей, частота упоминаний именно лингвофилософских обобщений немецкого классика в период восхождения нашего знаменитого соотечественника на вершину научного Олимпа (30–50-е гг. XIX в.) не может соперничать ни с какими иными видами его интеллектуальных и методологических заимствований.

Уже в первой своей крупной работе «О преподавании отечественного языка» молодой ученый сообщал, что «мысль об организме языка принадлежит В. Гумбольдту» [4, с. 193]. Если прежде думали, комментирует он далее свое утверждение, что «язык составил как-то безжизненным, механическим набором звуков», то именно благодаря В. Гумбольдту «мнению о мертвенном составе

языка [сейчас. – М. Н., Т. П.] противопоставляется теория о живом организме оного» [4, с. 194].

Далее Ф. И. Буслаев излагает свое понимание важнейшей идеи немецкой классической философии об эманациях абсолютного духа, называя дух «творческой силой»: «Глубокий разум слов в языках народов даже необразованных дает знать о высоком происхождении языка. Та же творческая сила, которая непрестанно действует в природе вещественной, создала и язык устами целого народа...» [4, с. 273, 274].

Для сравнения укажем, что аналогичная мысль неоднократно встречается в исследованиях В. Гумбольдта (к примеру: «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа... Язык... есть духовное воплощение индивидуальной жизни нации...» [16, с. 76, 72]). Вслед за В. Гумбольдтом Ф. И. Буслаев утверждает, что язык появился сразу целиком, в завершённом виде и совершенных речевых формах, поэтому народ смог осознать органическую целостность языка раньше, чем его структуру и составные части всей лингвистической системы: «...язык есть живое целое; человек никогда не произнесет ни одного слова бессмысленного, но всегда говорит предложениями, выражающими мысль. Органическое целое ему известно прежде, нежели отдельные части целого» [4, с. 56].

В «Опыте исторической грамматики русского языка», другой своей работе, также имевшей научно-методический характер, Ф. И. Буслаев объясняет, руководствуясь теоретическими изысканиями В. Гумбольдта, природу органичности языка. «Все построение языка, – указывает он, – от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, представляет нам живую связь отдельных членов, дополняющих друг друга и образующих одно целое, которое, в свою очередь, дает смысл и значение каждому из этих членов. Такое взаимное отношение между частями и целым именуется *организмом языка*. Только впоследствии, с помощью науки, дошло до того, что стали разлагать это живое целое на отдельные части...» [7, с. 2, прим. – Курсив автора].

По версии Ф. И. Буслаева, природа органичности складывается из естественного, хотя и предопределенного свыше, синтеза фонетических, грамматических и синтаксических компонентов языка в живущую по собственным внутренним законам целостность, которая придает каждому своему неотъемлемому элементу присущие всей системе смыслы и значения³.

Осознав, благодаря В. Гумбольдту, онтологиче-

скую сущность языка и его органистическую природу, Ф. И. Буслаев смог постичь и другие идеи лингвофилософской концепции немецкого классика, которые создавали возможность «заглянуть» в сознание людей отдаленных исторических эпох.

Среди базисных функций языка В. Гумбольдт называл функцию транспонирования, то есть перевода мира в предметы сознания [27, с. 64]⁴. Для каждого народа язык являлся «органом постижения мира, возникновения и формирования идей, импульсом для развития духовной деятельности» [19, с. 369]. Как «объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в звуках» [18, с. 349], язык оказывал влияние и на другие «объекты духа – на мышление и восприятие, на познание и убеждения» [20, с. 381], поэтому не приходится удивляться тому, утверждал В. Гумбольдт, что «различия в характере языков лучше всего проявляются... в способах мышления и восприятия» носителей языковой традиции [20, с. 380]. В языках народов земли, следовательно, отражаются разные способы их видения мира. Это и дает несокрушимые основания для использования языка не только для «понимания народа» и его идей – в языковом мировидении представлена «всемирная история мыслей и чувств человечества... на всех ступенях культурного развития» [18, с. 348, 349].

Этот важный методологический посыл В. Гумбольдта – использовать опыт языкознания для культурно-исторических построений, привлекать сведения «языкового мировидения» для проникновения в тайники сознания людей прошлого – вдохновлял Ф. И. Буслаева на протяжении всего периода его исследовательской деятельности, но особенно во второй трети XIX в.

Библиографический список

1. Буслаев, Ф. И. Мифологические предания о человеке и природе, сохранившиеся в языке и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб., 1861. – С. 137–150.
2. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания [Текст] / Ф. И. Буслаев ; Изд. В. Г. фон Бооля. – М., 1897.
3. Буслаев, Ф. И. «Мысли об истории русского языка» И. Срезневского [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. – М., 2006. – С. 470–493.
4. Буслаев, Ф. И. О преподавании отечественного языка [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка : учеб. пос. для ст-в пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / сост. И. Ф. Протченко, А. А. Ходякова. – М., 1992. – С. 25–373.
5. Буслаев, Ф. И. Об эпических выражениях украинской поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 210–230.
6. Буслаев, Ф. И. Областные видоизменения русской народности [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 151–209.
7. Буслаев, Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка [Текст] : учебное пособие для преподавателей / Ф. И. Буслаев ; составлено на основании наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 24-го декабря 1848 года : в 2 ч. – Ч. 1. Этимология. – М., 1858.
8. Буслаев, Ф. И. Письмо к автору «Истории России» [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания... – С. 439–469.
9. Буслаев, Ф. И. Русский быт и пословицы [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 78–136.
10. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 401–454.
11. Буслаев, Ф. И. «Сравнение русских слов с санскритскими» А. С. Хомякова [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания... – С. 516–537.
12. Гулыга, А. В. Вильгельм фон Гумбольдт и немецкая философская классика [Текст] / А. В. Гулыга // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М., 2000. – С. 350–355.
13. Гулыга А. В. Философская антропология Вильгельма фон Гумбольдта [Текст] / А. В. Гулыга // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры / пер. с нем.; сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. – М., 1985. – С. 7–23.
14. Гумбольдт, В. Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства / пер. М. И. Левиной [Текст] / В. Гумбольдт // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры / пер. с нем.; сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. – М., 1985. – С. 25–141.
15. Гумбольдт, В. Лаций и Эллада (фрагмент) [Текст] / В. Гумбольдт ; пер. О. А. Гулыги // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М., 2000. – С. 303–306.
16. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [Текст] / В. Гумбольдт ; пер. А. А. Алексеева, В. В. Библихина, О. А. Гулыги, В. А. Звегинцева, С. А. Старостина // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – С. 37–298.
17. Гумбольдт, В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития

[Текст] / В. Гумбольдт ; пер. З. М. Мурыгиной // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – С. 307–323.

18. Гумбольдт, В. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков [Текст] / В. Гумбольдт ; пер. О. А. Гулыги // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – С. 346–349.

19. Гумбольдт, В. Опыт анализа мексиканского языка [Текст] / В. Гумбольдт ; пер. М. А. Журинской // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – С. 360–369.

20. Гумбольдт, В. Характер языка и характер народа [Текст] / В. Гумбольдт ; пер. О. А. Гулыги // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – С. 370–381.

21. Гумбольдт, В. Эстетические опыты. Первая часть. О «Германе и Доротее» Гете [Текст] / В. Гумбольдт ; пер. А. В. Михайлова // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – С. 160–278.

22. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт. – М., 2000. – Примечания. – С. 363–370.

23. Звегинцев, В. А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта [Текст] / В. А. Звегинцев // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – С. 356–362.

24. Каменский, З. А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг [Текст] / З. А. Каменский. – М., 1980.

25. Миллер, Вс. Памяти Федора Ивановича Буслая [Текст] / Вс. Миллер // Памяти Федора Ивановича Буслая. – М., 1898. – С. 5–42.

26. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Интеллектуальные вызовы 30–60-х гг. XIX в. в научных рефлексиях Ф. И. Буслая [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 272–277.

27. Постовалова, В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта [Текст] / В. И. Постовалова. – М., 1982.

28. Рамишвили, Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания [Текст] / Г. В. Рамишвили // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – С. 5–33.

29. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века [Текст] / А. Л. Топорков. – М., 1997.

30. Шпет, Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта) [Текст] / Г. Шпет. – М., 1927.

Bibliograficheskiy spisok

1. Buslaev, F. I. Mifologicheskie predaniya o cheloveke i prirode, sohranivshiesya v jazyke i poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb., 1861. – S. 137–150.

2. Buslaev, F. I. Moi vospominaniya [Tekst] / F. I. Buslaev ; Izd. V. G. fon Boolja. – M., 1897.

3. Buslaev, F. I. «Mysli ob istorii russkogo jazyka» I. Sreznevskogo [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtaniya o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, st. i komment. A. L. Toporkova. – M., 2006. – S. 470–493.

4. Buslaev, F. I. O prepodavanii otechestvennogo jazyka [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Prepodavanie otechestvennogo jazyka : ucheb. pos. dlja st-v ped. in-tov po spec. «Rus. jaz. i lit.» / sost. I. F. Protchenko, A. A. Hodjakova. – M., 1992. – S. 25–373.

5. Buslaev, F. I. Ob jepicheskikh vyrazhenijah ukrainskoj poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki... – T. 1. – S. 210–230.

6. Buslaev, F. I. Oblastnye vidoizmeneniya russkoj narodnosti [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki... – T. 1. – S. 151–209.

7. Buslaev, F. I. Opyt istoricheskoj grammatiki russkogo jazyka [Tekst] : uchebnoe posobie dlja prepodavatelej / F. I. Buslaev ; sostavleno na osnovanii nastavljenija dlja obrazovanija vospitannikov voenno-uchebnyh zavedenij, VYSOChAJShE utverzhdenno 24-go dekabrja 1848 goda : v 2 ch. – Ch. 1. Jetimologija. – M., 1858.

8. Buslaev, F. I. Pis'mo k avtoru «Istorii Rossii» [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtaniya... – S. 439–469.

9. Buslaev, F. I. Russkij byt i poslovicy [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki... – T. 1. – S. 78–136.

10. Buslaev, F. I. Russkij narodnyj jepos [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki... – T. 1. – S. 401–454.

11. Buslaev, F. I. «Sravnenie russkikh slov s sanskritskimi» A. S. Homjakova [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtaniya... – S. 516–537.

12. Gulyga, A. V. Vil'gel'm fon Gumbol'dt i nemeckaja filosofskaja klassika [Tekst] / A. V. Gulyga // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju : per. s nem. / Obshh. red. G. V. Ramishvili ; poslesl. A. V. Gulygi i V. A. Zveginceva. – M., 2000. – S. 350–355.

13. Gulyga A. V. Filosofskaja antropologija Vil'gel'ma fon Gumbol'dta [Tekst] / A. V. Gulyga // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury / per. s nem. ; sost., obshh. red. i vstup. st. A. V. Gulygi, G. V. Ramishvili. – M., 1985. – S. 7–23.

14. Gumbol'dt, V. Idei k opytu , opredeljajushhemu granicy dejatel'nosti gosudarstva / per. M. I. Levinoj [Tekst] / V. Gumbol'dt // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury / per. s nem. ; sost., obshh. red. i vstup. st. A. V. Gulygi, G. V. Ramishvili. – M., 1985. – S. 25–141.

15. Gumbol'dt, V. Laci i Jellada (fragment) [Tekst] / V. Gumbol'dt ; per. O. A. Gulygi // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju / obshh. red. G. V. Ramishvili ; poslesl. A. V. Gulygi i V. A. Zveginceva. – M., 2000. – S. 303–306.

16. Gumbol'dt, V. O razlichii stroenija chelovecheskikh jazykov i ego vlijanii na duhovnoe razvitie chelovechestva [Tekst] / V. Gumbol'dt ; per. A. A. Alekseeva, V. V. Bibihina, O. A. Gulygi, V. A. Zveginceva, S. A. Starostina // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – S. 37–298.

17. Gumbol'dt, V. O sravnitel'nom izuchenii jazykov primenitel'no k razlichnym jepoham ih razvitiya [Tekst] / V. Gumbol'dt ; per. Z. M. Muryginov // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – S. 307–323.

18. Gumbol'dt, V. Ob izuchenii jazykov, ili plan sistematicheskoi jenciklopedii vsekh jazykov [Tekst] / V. Gumbol'dt ; per. O. A. Gulygi // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury. – S. 346–349.

19. Gumbol'dt, V. Opyt analiza meksikanskogo jazyka [Tekst] / V. Gumbol'dt ; per. M. A. Zhurinskoj // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury. – S. 360–369.

20. Gumbol'dt, V. Karakter jazyka i karakter naroda [Tekst] / V. Gumbol'dt ; per. O. A. Gulygi // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury. – S. 370–381.

21. Gumbol'dt, V. Jesteticheskie opyty. Pervaja chast'. O «Germane i Dorotee» Gete [Tekst] / V. Gumbol'dt ; per. A. V. Mihajlova // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury. – S. 160–278.

22. Gumbol'dt, V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Tekst] / V. Gumbol'dt. – M., 2000. – Primechanija. – S. 363–370.

23. Zvegincev, V. A. O nauchnom nasledii Vil'gel'ma fon Gumbol'dta [Tekst] / V. A. Zvegincev // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – S. 356–362.

24. Kamenskij, Z. A. Russkaja filosofija nachala XIX veka i Shelling [Tekst] / Z. A. Kamenskij. – M., 1980.

25. Miller, Vs. Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva [Tekst] / Vs. Miller // Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva. – M., 1898. – S. 5–42.

26. Novikov M. V., Perfilova T. B. Intellektual'nye vyzovy 30–60-h gg. XIX v. v nauchnyh refleksijah F. I. Buslaeva [Tekst] / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 1. – S. 272–277.

27. Postovalova, V. I. Jazyk kak dejatel'nost'. Opyt interpretacii koncepcii V. Gumbol'dta [Tekst] / V. I. Postovalova. – M., 1982.

28. Ramishvili, G. V. Vil'gel'm fon Gumbol'dt – osnovopolozhnik teoreticheskogo jazykoznanija [Tekst] /

G. V. Ramishvili // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – S. 5–33.

29. Toporkov, A. L. Teorija mifa v russkoj filologicheskoj nauke XIX veka [Tekst] / A. L. Toporkov. – M., 1997.

30. Shpet, G. Vnutrennjaja forma slova (Jetjudy i variacii na temy Gumbol'dta) [Tekst] / G. Shpet. – M., 1927.

¹ Новиков М. В., Perfilova T. B. Духовная жизнь народа: новое направление в творчестве Ф. И. Буслая в эпоху господства культуры романтизма // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 2. – С. 209–218; Новиков М. В., Perfilova T. B. Ф. И. Буслая: идейно-политические акценты исследования проблемы народности // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 302–307; Новиков М. В., Perfilova T. B. Проблема народности в лекционных курсах Ф. И. Буслая // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 4. – С. 227–237; Новиков М. В., Perfilova T. B. Новые акценты теории народности Ф. И. Буслая в эпоху Великих реформ // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 307–315; Новиков М. В., Perfilova T. B. Ф. И. Буслая о ценностно-смысловом содержании древнерусского изобразительного искусства // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 6. – С. 365–377.

² Ф. И. Буслая дает другой перевод этого сочинения: «Введение в грамматику языка Кави» [4, с. 76].

³ У В. Гумбольдта об этом сказано следующее: «Как непосредственная эманация органической сущности в ее чувственной и духовной значимости язык разделяет природу всего органического, где одно проявляется через другое, общее в частном...» [17, с. 308].

⁴ Для осмысления этой идеи приведем несколько суждений В. Гумбольдта.

«Язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека...» [15, с. 304].

«Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее...» [18, с. 349].

«Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение...» [18, с. 349].

«Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей» [16, с. 80].